

Роман Богословский: «А потом появилась повесть «Мешанина»...

□

Интервью Алены Воробьевой с литератором Романом Богословским

□

Роман, в основе повести «Мешанина» сила воздействия слова на людей. Тем или иным способом, печатно или устно, и даже изощренно, но оно действует как

любая информация, несущая людям знание. Это ведь не только в литературе случается, но и в жизни происходит?

Слово – это связующая нить между всем, что существует. Оно было в начале, оно было всегда, оно будет вечно. Словом мы убиваем друг друга, им же пробуждаем к жизни некогда спящие пласты психики, сознания, раскрывая друг друга. Слово – это реальный магический инструмент, и оно же – бред алкоголика. Сегодня подлинное Слово крайне молчаливо. Оно заменено «информацией» – бездушным потоком деструктивного свойства. Слово сегодня закрылось в себе и «скрипя зубами» прислуживает супермаркетам. В моей повести этот процесс возведен в крайнюю степень гротеска. И это сделано намеренно: пришло время задуматься, что же мы делаем друг с другом, выкорчевывая смыслы и скрытые пласты знаковых систем из почвы, где они сокрыты. Я не против нарочитой прямооты и открытости в искусстве. Но при этом я против безответственного обращения с окружающей действительностью.

□

Несмотря на то, что прототипы героев «Мешанины» – известные российские писатели, реальные люди, многие «фишки» придумал именно ты. И главная из них – это способ донесения литературы до читателя, который изобрели в твоей повести писатели. Он очень гротескный, но при этом □ молниеносно воздействует на людей, да и на самих писателей, что становится понятно в самом конце: довольно красноречивая оценка творчества современных классиков. Скажи, ты целился этим булыжником в огород реальных литераторов, с которых и писал своих героев?

Известный московский литературовед и поэт Дмитрий Кузьмин, прочитав «Мешанину», дал такое заключение: «Вы, Роман, написали памфлет о литераторах. Жанр это старый, но нимало не почтенный, потому что основной его меседж – «я – не то, что эти вот». Уж не знаю, почему столь маститый литератор таким образом «считал» мой посыл, но хочу

сказать, что его вывод в корне неверный. Во-первых, я очень люблю и уважаю писателей, чьи прототипы стали героями повести. В конце концов, без них меня как автора просто не было бы – это мои учителя во всех смыслах. Во-вторых, взяв именно эти прототипы, я осознавал, что именно таким образом заложенная в «Мешанину» идея быстрее и точнее дойдет до читателя, поскольку это очень близкий и понятный дискурс для всей серьезно читающей братии нашей страны. То есть дело в усилении образа, в его неотвратимой реальности. Дело в глобальных проблемах, которые есть сейчас в издательском бизнесе и в литературе в целом. А в третьих, я просто однажды задумался: а как бы чувствовал себя Виктор Пелевин, если бы вдруг на оживленной площади Нью-Йорка или Москвы его штаны затрещали по швам, порвались носки, отовсюду полезли бы волосы и он обернулся бы витальным красавцем-верволком как его персонаж Саша в известном рассказе «Проблемы верволка в средней полосе»? Или Юрий Мамлеев попал бы под удары маньяка Федора Соннова как «парень лет двадцати шести» в его «Шатунах»; или как чувствовал бы себя Владимир Сорокин, если бы оказался на месте персонажей «Льда», которых «мочат» ударами ледяного молота в грудь или на месте Насти, которую зажарили и поедают родственники и друзья в повести «Настя»? А как бы чувствовал себя Илья Масодов (если он, конечно, реален), если бы он превратился вдруг в маленькую девочку Клаву Орешникову из своего романа «Черти», которую раз за разом бьют и насилуют отвратительные ублюдки Барановы? Или покойный Егор Радов? Вот что писала о его романе «Змеесос» газета «Новые известия»: «Считается, что главный признак сегодняшнего героя – пелевинская виртуальность психики. Эту виртуальность Пелевин как раз и унаследовал от Радова. Радов не стилизует, он купается в стиле». И вот что бы произошло, если бы Егор Радов действительно, а не только в метафоре журналиста из газеты, искупался бы в своем стиле? И главное: что после всего этого остается в глубинах психики читателя? Я знаю что, доподлинно знаю. Иначе не написал бы такой повести никогда – просто не вышло бы... Вторая часть «Мешанины» – это гротескные, выпяченные стилизации под каждого из пяти перечисленных выше писателей. И сделаны они не для того, чтобы самолюбие свое потешить, а для того, чтобы показать: господа, дорогие, мы сами создаем свой ад. И для себя в том числе. И для себя тем более!

□

Роман, как было заявлено тобой в синопсисе, «Мешанина» – это повесть о конце русского постмодернизма, о литераторах, реалиях издательского мира, редакторах и, конечно, читателях». Само определение – о конце русского постмодернизма – подразумевает и начало нового течения в литературе?

Знаешь, однозначно всех писателей, издателей, персонажей моей повести нельзя рассматривать только в контексте постмодернизма. Понятие «русский постмодернизм» – далеко не академическое и подразумевает массу подтекстов, классификаций. Но этим мы заниматься не будем. Для меня лично русский постмодерн в литературе равнозначен вседозволенности. Представь себе нестандартно мыслящего интеллектуала, к тому же начитанного и образованного. Но он прижат к родной земле тоталитарной системой социализма. И вдруг в какой-то момент система распадается на части. Представила? В такой ситуации не только огромный талант писателя заработает всеми шестеренками и механизмами (а у меня почти все персонажи в повести – гении литературы, как и их реальные прототипы), но возникнет и синергетический эффект от почти истерической эйфории, вызванной разрушением старого и неудобного во всех смыслах мира. Вот тут и полилась мешанина из всех щелей, заполнила все лакуны, вырвалась, захватила весь мир, как субстанция «зельц» в романе Егора Радова «Суть». В середине двухтысячных все это пошло на убыль. Читатель стал уставать от «чернухи», тиражи издателей подобной литературы стали падать, сами писатели плавно переместились в крупные издательства (кто-то умер или по разным причинам остался за бортом). Вот так посыпалась русская разухабистая вседозволенность в литературе. Но вежливые люди должным образом прощаются, когда уходит что-то важное, значимое. Что я, собственно, и сделал в своей повести. Кстати, когда в издательстве «АСТ» вышла «Метель» Сорокина, его последний роман, я окончательно понял, что все сделал правильно.

□

И далее возник так называемый «новый реализм». Один из его ярчайших представителей – прозаик Сергей Шаргунов – так оценил твое произведение: «Повесть «Мешанина» – яркая головокружительная вещь. Это вроде бы игра, но заряжает не по-детски. Автор – это отличный стилист и стилизатор». Что ты думаешь о «новых реалистах»?

«Новый реализм» – это определение критиков. Я рассматриваю это понятие под иным углом. В том смысле, что молодые и талантливые ребята объединились в некий тесный литературный кружок, где все поддерживают друг друга. Новый реализм – течение не литературное: это тренд именно в отношениях, в понимании того, что выжить можно только вместе. А что касается непосредственно прозы Шаргунова, Данилова,

Прилепина, Сенчина, то и в ней, естественно, есть и «чернуха», и осмысление падений, девиаций, глобальных проблем бытия. Но это уже не то и не так, как было раньше. Эти ребята делают, с одной стороны, абсолютно новую литературу, но и, в то же время, это отсыл к русской классической прозе девятнадцатого века, это ее продолжение в новом мире и новых условиях. Нет ощущения тотальной грязи – оно ушло навсегда. И пишут они именно вопреки. Сейчас фактически не читают книг, издательств становится все меньше, практически ни один писатель не живет литературным трудом, всем приходится подрабатывать в журналистике, публицистике и так далее. Но они делают свое дело, несут Великую Русскую Литературу на своих плечах в будущее. Надеюсь, вынесут. Но из всех правил есть исключения. К примеру, один из моих любимых писателей современности, Михаил Елизаров стоит особняком. Он, с одной стороны, продолжатель русской вседозволенности, с другой он делает литературу нового времени. И только будущее покажет, куда его вынесет в конце концов. Мощнейший прозаик Платон Беседин тоже работает крайне обособленно, по-своему, со своим особым надрывом. Он тоже пока никуда не вписывается, если говорить конвенционально. Владимир Козлов – замечательный русский писатель – тоже сумел выработать собственную парадигму. Он пишет достаточно просто, понятно и доходчиво (это роднит его с новыми реалистами), но с другой стороны, раскрываемые им темы очень близки «русскому постмодернизму», но это все равно не оный в полной мере. То есть литература движется дальше, обновляется, развивается по всем направлениям. И что самое оптимистичное – даже в условиях глубочайшего «читательского» кризиса в России.

□

Кстати, упомянутый тобой писатель Владимир Козлов оценил повесть таким образом: «Мешанина» – это точная сатира на сегодняшний российский «литературный процесс». Некоторые себя узнают и вряд ли обрадуются».

Мне, кстати, кажется, что тебе удалось вписать своих героев не только в современный литературный процесс. Если покопаться в тенденциях, то и мистификация с Иваном Малиновым, и появление «черного человека» – это ведь из Серебряного Века. Впрочем, это естественно, ведь именно в той литературе основа творчества постмодернистов, некий фундамент, на котором они строили свои произведения. А от чего в литературе отталкиваешься ты? Кто из авторов подтолкнул тебя к тому, чтобы начать писать?

Свои первые мини-рассказы я написал в возрасте 12-ти лет, прочитав книгу Веса Крейвена «Кошмар на улице Вязов»: раньше было много книг, выпускающихся как дополнение к нашумевшим фильмам. Я решил это скопировать. И написал небольшие рассказы, где Фредди заменял наш классный руководитель, а жертвами были все мы – одноклассники. Именно тогда я получил первый кайф, толчок внутри сердца. Тогда я понял, что писать – это классно и увлекательно, да еще и другим нравится. Потом я надолго забыл об этом и всю занялся музыкой, играл в группах и т. д. И вот – кажется, это было в 2001-ом – в Москве в переходе с радиальной на кольцевую линию (или наоборот) станции «Проспект Мира» я зашел в книжный бутик, где мое внимание привлекла книга неизвестного тогда еще писателя Михаила Елизарова «Ногти», выпущенная издательством «Ад Маргинем». Я купил ее только из-за обложки, где была изображена страшная кукла с каким-то разорванным животом. Я реально почувствовал какой-то мистицизм, исходящий от этой книги. Прочитал, прилип к стенке от восторга, и уже через полгода накатал свою первую, до ужаса корявую и чернушную повесть под названием «Праздник всеобщей любви» (сейчас я даже заглядывать в нее боюсь). А дальше пошло: рассказы, рассказы, небольшие повести, пошло-поехало. Я настолько проникся духом «Ад Маргинем» после Елизарова, что какое-то, впрочем, довольно продолжительное, время читал только ту литературу, которую выпускали они. Ну и начитался. Вот во что это вылилось (*смеется*). Жарким летом 2010 года я написал повесть под названием «ВВВ». Писал именно «под «Ад Маргинем»». Выслал, но Котомин с Ивановым не отреагировали – высылать что-то самотеком на электронный адрес издательства бесполезно, даже если ты Габриэль Витткоп и Бунин в одном лице, но это я сейчас понимаю. А тогда, помнится, очень расстроился. В итоге мои отношения сложились с другим издательством – «Дикси Пресс». Они объявили конкурс «Новые писатели-2011». Я выслал один из своих рассказов и попал в сборник. Затем в их же новый сборник 2012 года попал еще один мой рассказ. Параллельно меня стали потихоньку издавать в литературных журналах, размещать произведения на соответствующих интернет-порталах. И вполне естественно, что первую мою книгу выпустили в «Дикси Пресс», не побоявшись эксперимента. Издательство молодое и совсем не крупное, но массовость моей литературе в общем-то и не нужна. Далее. Еще раз повторюсь, что никого конкретно я не обличал – это вообще не мое. Я просто рассказал читателю о своем видении внутренних процессов в литературе. И сделал это так, как чувствовал. А насчет моих ориентиров в литературе... Конечно, это все литераторы, которые упоминаются в «Мешанине». Еще это Кен Кизи, Федор Сологуб, Уильям Шекспир, Пушкин, Достоевский, Толстой, Набоков, Булгаков, учебник по культурологии, учебник под названием «Синтаксис сложного предложения» – в общем, читаю я много и абсолютно беспорядочно. Не зря я рожден в один день с Гитлером: у него процесс чтения протекал так же. Надеюсь, это единственное совпадение (*смеется*).

Роман, мы обозначили современное развитие литературы рамками «нового реализма». Твоя повесть, на мой взгляд, выходит за эти рамки. Все-таки хорошей сатиры в русской литературе не было очень давно, да еще такой хлесткой и тонкой. Пожалуй, и направленность ты выбрал верную – не общество бичевать, как это делали некогда Салтыков-Щедрин или Гоголь, а самих писателей. Что сподвигло тебя написать «Мешанину»? И не считаешь ли ты себя автором, стоящим в русской литературе особняком от «новых реалистов»?

К сожалению, я не смогу дать обстоятельный ответ на твой отличный вопрос: я еще начинающий литератор, и не берусь прогнозировать столь глобальные вещи. Пока просто буду писать. «Делай, что должно, и будь что будет» – помнишь?

□

Тогда я несколько видоизменю вопрос: «Мешанина» и рассказы, которые будут дополнять книгу – это твое первое крупное литературное детище. Тебе есть с чем выйти к читателю, как и есть что заявить писательской среде. А что дальше? Над чем ты сейчас работаешь?

Я начал работу над романом: сколько не тяни, а роман писать нужно (смеется). Это необходимо. Рабочее название – «Классический период». Содержание раскрывать не стану, ибо это бессмысленно, поскольку в процессе письма оно может сто раз поменяться.

□

И последний вопрос. Почему повесть «Мешанина» ты посвятил Антону Холопову? В ней ведется речь о писателях, а он – современный композитор, музыкант...

Антон для меня – это настоящая глыба, гора среди миллионов пригорков современного искусства. И на данном этапе нашего общения уже совершенно не важно, музыкант он или резчик по дереву. Антон – это огромный талант, знания; оригинальный взгляд на человека, душу, мир, сознание. Сейчас его не замечают, но и Баха заметили далеко не сразу. Его музыка и некоторые, фактически научные, разработки, касающиеся восприятия звука, перевернут мир музыкального искусства в свое время: я это знаю. Повесть посвящается Антону потому, что сам импульс пришел ко мне от него. Как-то в беседе он небрежно бросил мне: «Ром, а ты не думал о том, почему современные деятели искусства постоянно стараются вылить свои помои на простых людей? И главное, чтобы помоев было как можно больше...» И я задумался. Да так, что днем и ночью в течение почти месяца только об этом и думал, видел сны, в том числе и наяву. А потом появилась повесть «Мешанина».

Роман, удачи в делах и творчестве!

□

АЛЕНА ВОРОБЬЕВА,

член Союза писателей России,

член Союза журналистов России,

лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина.

□